

9/С1 РД

М.89 К

-29780-

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Тезисы докладов научной конференции

Л. Я. Янковская

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ПАСТЫРСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

В докладе подробно освещаются наиболее важные и сложные факты пастырской и литературной деятельности Святителя Димитрия Савича, митрополита Ростовского, которые концентрируются вокруг одной из многих актуальных проблем изучения богатейшего богословско-словесного наследия «златоустого Учителя». Это касается прежде всего определения степени и границ воздействия на мировоззрение и творчество св. Димитрия западной богословской науки.

Факта, что это влияние было, отрицать никак нельзя. Ведь если говорить правду, то для Московской Руси и сам Святитель, урожденный малороссиянин, воспитанник Киево-Могилянской коллегии, действительно проживший в «русском Париже» и окрестных монастырях почти всю свою жизнь, является «иноzemцем» и «западником». Быть может, как раз тоска по любимому Отечеству и вызвала у него, тотчас же по прибытии в Ростов, желание указать место своего погребения именно в юго-западном углу храма Зачатия св. Анны...

Даже занимая Ростовско-Ярославскую архиерейскую кафедру, Святитель Димитрий отнюдь не «протестовал против проникновения вредных идей с Запада». (См.: В. В. Мильков. Религиозно-философская проблематика в еретичестве XVIII столетия. — В сб.: «Некоторые особенности русской философской мысли XVIII в. М., 1987, с. 74). Здесь удачным аргументом может послужить авторизованная, с многочисленны-

ми «своеручными» исправлениями, вклейками и дополнениями рукопись «Розыска о раскольнической Брынской вере» (ЦГАДА, Ф. 381, № 352) — сочинения, написанного, как известно, в Ростове до 12 мая 1709 г. Так вот, наряду со ссылками на латинские издания св. Отцов Церкви и «историографов» греческих, латинскими переводами на полях некоторых слов из текста, здесь встречается более 20 ссылок на труды известного католического экзегета, иезуита Корнелия ван ден Стееен (á Ляпиде), десять книг которого св. Дмитрий имел в своей библиотеке и активно пользовался ими (издания 1626—1700 гг.). Есть в «Розыске» ссылки и на известный труд кардинала Цезара Барония (1588—1607), на толкования псалмов Роберта Беллармина (1613), на Жития святых отцов Герберта Росвейда (1628), — мало того, например, Гомилия II св. Иоанна Златоуста на послание св. апостола Павла к Ефесянам здесь приводится по Житиям святых Петра Скарги (л. 429 об.).

Еще более значительно западное влияние отразилось в «главном труде» всей жизни св. Дмитрия Ростовского — в «Книге житий святых», где Святитель, по верному выводу о. Александра Державина, «прежде всего показал, как далек он был от тех узких, враждебных к римско-католической Церкви взглядов, которые господствовали в то время в Московской Руси. (...) Твердо помня, что обе эти церкви — Православная и Католическая — составляли в глубокой древности единую нераздельную Церковь, он учил русских православных людей не все в латинстве считать ересью и заблуждением и призывал их к знакомству и изучению западной науки. («Богословские труды». М., 1976, т. XVI, с. 59—60). Среди многочисленных источников «Книги житий святых» господствуют иезуитские Акта Сантторум Иоанна Болланда (1643—1688), Истории о подвигах святых картезианца Лаврентия Сурия (1576—1586), уже упомянутые сборники Г. Росвейда и П. Скарги и даже, правда, немного, — проповеди еще одного польского иезуита Фомы Младзяновского (1681). Разумеется, этих ссылок нет ни в одном из изданий наследия св. Дмитрия Савича.

Для каждого историка литературы своеобразным «лицом писателя» является его библиотека, его «творческая лаборатория». В библиотеке Святителя Дмитрия было более 303 рукописных и печатных книг. По предварительным подсчетам большинство из них — 211 — это западные издания:

152 латинских и 59 польских; 86 — церковнославянских (28 — рукописей и 58 книг, в том числе 8 изданий произведений самого св. Дмитрия и 8 изданий трудов его коллег — киевлян); и всего-навсего 8 греческих книг. Здесь надо попутно отметить, что судя по всему, св. Дмитрий не владел греческим языком (5 книг — это словари и грамматики) и совершенно на нем не писал (нет никаких собственноручных заметок). «Грекоязычные источники, — как находит исследователь библиотеки Святителя А. А. Круминг, — св. Дмитрий мог использовать только в западных изданиях и на латинском языке; так, например, византийские жития св. Симеона Метафраста Святитель знал не по греческим подлинникам, а по латинским переводам Сурия. Все это было совершенно неизбежно, так как тогдашняя историческая и богословская литература была почти исключительно западной и преимущественно латиноязычной и католической, а еще точнее — иезуитской». (Цит. по авторской рукописи.)

Необходимо также сказать, что под несомненным воздействием иезуитских богословов (Петра Скарги, Петра Канизия, Фомы Младзяновского и др.) св. Дмитрий в своих богословских трудах развел весьма специфическую доктрину о призвании всех христиан к добродетельному совершенству; учение об образе и подобии Божием, о Страстях Христовых и Священном Сердце, о семи Таинствах Церковных, о четвероконечном Кресте. (см.: о. Иоанн Колыгриков. Очерки по истории Русской Святыни. Брюссель, 1961, с. 267—302). Особое место в сочинениях Святителя занимает догмат о Непорочном Зачатии Богородицы. Мало того, в сохранившихся письмах св. Дмитрия к «возлюбленному брату Феологу» звучит, например, своеобразное эсхатологическое толкование: где-то после 11 августа 1709 г. он пишет из Ростова: «О чистце римском и о мытарствах много писать опасаюся, пониже наши же скажают быти отню во удержании душ, хотя сами себе противно попечатали в Прологах души виденные в огне.» (ЯЕВ, № 24, с. 275). Это, должно быть, ответное письмо Святителя, ибо раньше, в сильном душевном потрясении, он все-таки писал Феологу о Чистилище без страха и какой-либо самоцензуре. Это письмо от 7 октября 1708 г., также из Ростова: «Устраши мя смерть покойного Иоасафа Колдычевского, друга нашего и моего особаго Благодетеля: (...) О преставльшемся надежда на Бога, яко милости своеа не оставит от него. Понеже все люди его осудили и чуть жива во Ад не положи-

ли, а суд Божий сопротивно: ии суд человеческий, а ии суд Божий: люди осудили, Бог не осудит. Кого люди посылают в Ад мнением своим и языками? Кто чаял быти разбойнику в Раи, мытарю между праведными, блуднице в чертоге небесном? Не посылает ли их всяк в Геену, зря житие их, а милосердие Божие сопротивно содела: постыжает Бог суды человеческие судьбами своими милосердными: аще же и в удержании негде души преставившагося на время обретается за своя прегрешения (без коих никтоже), но сокровище церковное, молитвы, глаголю, о преставльшихся, выну творимые не скупо, — искунили силы от долгов его, и мы грешни поспешствуем». (Автограф из коллекции Давыдовых, ГБЛ, Ф. 479, картон 2, ед. хр. 4.)

В наследии св. Димитрия Ростовского еще немало загадок. Я покажу еще одну из них. Среди книг из библиотеки Святителя есть экземпляры с его собственными владельческими записями, преимущественно датированными, и преимущественно — на латынском и польском языках. Особенно загадочны записи, сделанные примерно после 9 июля 1668 и до 4 марта 1701 гг. Вот примеры: на уникальном экземпляре Библии Польской в переводе иезуита Якова Вуйка: «Z xiag Demetriusza Sawicza O.D.B.M: Igumena Kiryłskiego у Hluchowskiego. // Roku 1697: мая 27». (ЦГАДА, Ф. 1251, № 2419 ин.); на Комментариях к IV Книге Царств иезуита Франциска Мендозы: «Ieromonachus Sawicz O.D.B.M. Hunc Iibrum habeo donatum mini á R: P: Stephano Zunkowksj Praesbytero Bałturyensi. App: 1697; mai. 3». (Там же, № 382 ин.); или на одном из трех имевшихся у св. Димитрия экземпляров Житий святых Петра Скарги: «Kupilem te xege w moskiewskiej stolicy Ann: 1700 (описка — правильно: — 1701), martij 4 Dimitrzy Sawicz Archimandryta Nowogrodka Siewierskiego O.D.B.M.». (Там же, № 2465 ин.). — Ordinis Divi Basilii Magni, Орден св. Василия Великого, орден униатов...

Вполне возможно и закономерно, что архивные сокровища помогут выявить очень многое таинственное и неизвестное. В этом смысле у наследия Святителя Димитрия счастливая судьба: оно сохранилось и у него есть будущее.